

Разъяренный дюжий мужик схватил стоявший у кадки с водой маленький деревянный табурет и уже замахнулся, чтобы ударить, но Ань Чанцин успел его перехватить. Дав знак стражникам оттеснить дебошира, Ань Чанцин заслонил ребенка собой и, едва сдерживая гнева, спросил:

— И какой же отец станет так поступать?!

Увидев, что перед ним богато одетый господин в сопровождении стражи, верзила струсил, но все же петушился:

— Не... не суйся не в свое дело! Это моя семья!

Ань Чанцин не стал с ним спорить. Нахмурившись, он помог ребенку подняться, но тут же заметил, что его ноги затянуты в бутафорский рыбий хвост, отчего тот вовсе не мог стоять. Пришлось снова усадить его на землю, снять с себя верхний халат и накинуть ему на плечи.

— Ты ведь только что сказал, что он тебе не отец?

Малыш недоверчиво посмотрел на него, словно пытаясь понять, не злодей ли перед ним. Ань Чанцин ответил кротким взглядом, терпеливо ожидая ответа.

Должно быть, решив, что Ань Чанцин не желает ему зла, ребенок кивнул:

— Он мне не отец. Мой тятя давно умер. А этот меня купил.

Стоило ребенку произнести эти слова, как толпа зевак тут же оживилась и принялась осуждающе тыкать в мужика пальцами. Будь они родными отцом и сыном, в чужие семейные дела вмешиваться бы не стали. Но теперь выяснилось, что они не родственники, а все слова верзилы были откровенной ложью, и собравшиеся вспыхнули праведным гневом.

Ань Чанцин оглядел ребенка, немного подумал, поднимаясь на ноги, и спросил:

— За сколько ты его купил? Я отдам тебе серебро и заберу ребенка.

Верзиле расставаться со своей добычей не хотелось: этот малыш приносил ему немало денег и был настоящей живой жилой. Он замялся:

— С какой стати я должен продавать против воли?

Ань Чанцину не хотелось попусту чесать языком. Он бросил взгляд на стражника. Тот мгновенно ожесточился в лице и вполовину обнажил из чехла длинный клинок, со свирепым видом уставившись на мужика.

Тот испугался, понимая, что перед ним люди не из пугливых, и поспешно запричитал:

— Продам! Продам! За пятьсот лянов! Я купил его за пятьсот лянов!

— Он врет! Он отдал за меня всего пять лянов! — звонко выкрикнул ребенок.

Мужик поперхнулся и злобно уставился на него.

Ань Чанцин достал пять лянов серебра, бросил мужику и велел стражнику поднять щуплого малютку на руки, чтобы забрать с собой. Но не успел он сделать и пары шагов, как позади раздался голос:

— Почтенный господин, прошу вас, постойте.

Ань Чанцин замер и обернулся. Перед ним стоял молодой человек в зеленых одеждах. На его губах играла улыбка, черты лица были весьма утонченными, хотя выглядел он довольно болезненным. Рядом с ним стояла красавица-служанка.

— У вас ко мне какое-то дело?

— Ноги этого ребенка зажаты в рыбьем хвосте. Если не снять его вовремя, можно причинить ему вред.

Ань Чанцин опешил и, проследив за его жестом, посмотрел на малютку. Чехол в форме рыбьего хвоста начинался от самой талии и плотно обтягивал ноги, не оставляя ни единого зазора. Посмотрев на ребенка, Ань Чанцин увидел, что тот сильно закусил губу — хоть он и молчал, губы его совсем побелели от боли.

— Моя служанка умеет снимать такие вещи. Если господин не против, мы могли бы найти подходящее место и первым делом освободить ноги ребенка от этого чехла.

Ань Чанцин на мгновение задумался. С ним была стража, а у этого человека — лишь одна служанка, так что никакой опасности не предвиделось. Он кивнул и направился в ближайшую чайную, попросив слугу приготовить отдельный кабинет.

Хотя ребенок был совсем мал, но, считая его девочкой, было бы неприлично снимать с него одежду на глазах у всех.

Оказавшись в кабинете, служанка действительно взяла ребенка и ушла за ширму, чтобы снять чехол. Ань Чанцин остался снаружи пить чай с молодым человеком. Тот оказался весьма общительным и сам представился:

— Моя ничтожная фамилия — Сюэ, а имя — И. Не знаю, как могу обращаться к господину?

— Моя фамилия — Ань, а имя — Но.

Оказавшись в незнакомом месте да еще и столкнувшись с чужаком, завязавшим разговор, Ань Чанцин не терял бдительности.

Сюэ И заметил:

— Мне кажется, лицо господина Аня мне знакомо. Вы ведь не из Лянчжоу?

Ань Чанцин не стал уточнять, откуда он прибыл, а лишь ответил:

— Верно. Приехал в Лянчжоу по делам.

Они обменялись парой непринужденных фраз, после чего из-за ширмы вышла служанка с ребенком на руках. Малыш был завернут в верхний халат Ань Чанцина, а щеки его слегка порозовели.

Служанка с бесстрастным лицом доложила Сюэ И:

— Рыбий хвост снят, ноги не пострадали. Однако это мальчик, а не девочка.

На лице Ань Чанцина отразилось изумление, и он невольно посмотрел на ребенка. Мальчик

был очень красив — из-за юного возраста его красота казалась тонкой и почти бесполой, однако прямо под левым глазом располагалось крупное красное родимое пятно в форме рыбьей чешуи, напрочь портившее это очарование.

Мальчик робко взглянул на Ань Чанцина:

— Он велел мне притворяться девочкой... Сказал, так больше людей будет смотреть.

Под «ним» он, разумеется, имел в виду купившего его дюжего мужика.

Ань Чанцин все понял. Он подошел, погладил ребенка по голове, взял за руку и обратился к Сюэ И:

— Раз уж все разрешилось, а у меня дома еще есть дела, я раскланяюсь. Премного благодарен вам сегодня, брат Сюэ.

Сюэ И тихо усмехнулся:

— Не стоит благодарности. Доброго вам пути, брат Ань. Если судьбе будет угодно, мы еще встретимся.

Ань Чанцин кивнул ему в знак прощания и ушел вместе с мальчиком.

Сюэ И смотрел им вслед, пока фигура Ань Чанцина не скрылась из виду, и только тогда повернулся, чтобы уйти. Служанка Цзисюэ, не отходявшая от него ни на шаг, тихо спросила:

— Господин канцлер, мы еще не возвращаемся? Чан Цзайчан уже вернулся со своими людьми.

Сюэ И — то есть Сюэ Уи — едва заметно улыбнулся:

— Пора возвращаться. Раз уж Чан Цзайчан вернулся, значит, и Бэйчжань-ван скоро прибыть должен.

Цзисюэ спросила:

— Велеть подать экипаж?

— Не спеши, — Сюэ Уи взмахнул рукой и внезапно спросил: — Цзисюэ, скажи, могут ли в этом мире существовать два совершенно чужих человека, но похожих друг на друга как две капли воды?

Цзисюэ качнула головой:

— Служанке не приходилось подобного видеть.

Сюэ Уи на мгновение задумался и произнес:

— Пошли людей узнать, откуда взялся этот Ань Но.

— Слушаюсь.

От автора:

Чан Цзайчан: Нам надо хорошенько потолковать о делах Сицяна.

Сонсон (с нетерпением): Да побоку твои разговоры! Давай скорее завяжем с войной, мне еще домой возвращаться, брак консуммировать!

Когда Цзисюэ ушла, Сюэ Уи остался у окна в одиночестве, погрузившись в раздумья.

Его тайный визит в Лянчжоу объяснялся тем, что, зная о связи Чан Цзайчана из Лянчжоу и Бэйчжань-вана, он рассчитал: тот непременно призовет Бэйчжань-вана в Лянчжоу на подмогу. Сам Сюэ Уи прибыл лично, надеясь заключить с Сяо Чжигэ сделку.

Сицян все эти годы ютился в своем далеком уголке. Внешне там царил покой, но со смерти прежнего царя в глубине давно бурлили тайные течения.

У прежнего царя было мало сыновей, и он оставил лишь одного малолетнего наследника. Однако клан матери юного владыки — князя Ван из Фуяна — все еще процветал и был крайне недоволен тем, что чужак держит в руках малолетнего правителя. Втайне они подстрекали вдовствующую царицу вмешиваться в государственные дела. К тому же у братьев прежнего царя было много сыновей, и они только и ждали, пока юный царь преждевременно скончается, чтобы законно взойти на престол. При дворе царил раскол: хотя за эти годы Сюэ Уи и взял под контроль половину чиновников, остальная половина служила своим господам. Из-за личной выгоды его реформы зашли в тупик.

Прошло десять лет, и юный царь превратился в подростка, но под воздействием подстрекательств вдовствующей царицы и злодеев с недобрыми намерениями с каждым днем все больше отдалялся от него...

При нынешнем положении в Сицяне, если попустить происходящее, доведенное до предела племя Сицян рано или поздно поднимет смуту. Полон тревог, Сюэ Уи после долгих раздумий решил провести новые законы. Однако разработанный с приближенными план реформ упирался в нехватку денег и людей, да еще и наталкивался на сопротивление со всех сторон.

Налетел прохладный ветерок. Сюэ Уи прижал кулак к губам, глухо покашлял и вновь вспомнил молодого человека, которого сегодня случайно встретил на улицах Лянчжоу.

Сложив руки за спиной, Сюэ Уи прикрыл глаза, мысленно сравнивая черты лица незнакомца с портретом из своей коллекции. Они действительно были похожи — почти до полного совпадения.

Разве что у Ань Но лицо было чуть более округлым, а взгляд и осанка — мягче. Тот же, кто был изображен на портрете, при таком же облике обладал куда более суровым и острым взглядом.

Один был словно светлый круглый месяц, другой — словно палящее солнце.

Сюэ Уи медленно перевел дыхание, вспомнив еще одно поручение, данное ему прежним царем перед смертью. Это была тайна, передававшаяся из поколения в поколение царями Сицяна. Поговаривали, что это последняя воля, оставленная первым царем Сицяна Сюэ Чаном. При жизни Сюэ Чан укрыв где-то сокровища. Сколько их было и где они спрятаны — никто не знал. Перед смертью он лишь вручил потомкам свиток и велел передавать его из рода в род. Он наказал: если настанет день и они встретят человека с этого портрета, отдать свиток ему и сказать, что долг Сюэ Чана уплачен.

Сюэ Уи не ведал, какие узы их связывали, но прежний царь серьезно молвил ему: «Это долг, навлеченный предками рода Сюэ, и потомки обязаны помочь его вернуть».

Однако со дня основания Сицiana прошло уже несколько столетий. Даже если бы и нужно было вернуть долг, тот заимодавец давно уже скончался, превратившись в горсть желтой земли под ногами.

<http://bllate.org/book/18381/1767772>